

Ожешко Элиза

Мать и дочь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Э46

Э46 **Элиза О.**
Мать и дочь / Ожешко Элиза – М.: Книга по Требованию, 2024. – 208 с.

ISBN 978-5-521-26155-0

ISBN 978-5-521-26155-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

таковые имѣются. Но я его люблю со всѣми его недостатками и, несмотря на всѣ его пороки, никогда, до самой гробовой доски любить его не перестану.

А когда мать и близкіе родственники попытались самымъ рѣшительнымъ образомъ помѣшать этому браку, она заявила, что если будутъ ставить препоны, то она изъ дому сбѣжитъ и никто не догадается, когда и какимъ образомъ она сбѣжитъ, и обвѣнчается вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ въ какомъ нибудь отдаленномъ костелѣ и затѣмъ будетъ просить прощенія у своей матери и родственниковъ. Что ей простятъ,—въ этомъ она ни минуты не сомнѣвалась, ибо вѣдь ее любили и еще какъ; впрочемъ, даже для нихъ будетъ счастьемъ, если они будутъ просить прощенія у нея, такъ какъ она, несмотря на всякія зловѣщія предсказанія и воронье карканье, ни на минуту не сомнѣвается въ своемъ будущемъ счастьѣ.

Зная ее, всѣ понимали, что все то, что она говоритъ, вовсе не похоже на пустую угрозу. Она была такой живой и смѣлой, такъ дѣльно помогала матери въ хозяйствѣ, съ такой любовью принимала участіе въ увеселеніяхъ и въ работѣ, что ее называли „казакомъ“. Она легко могла сдѣлать то, чего не сумѣли бы сдѣлать другія несмѣлыя и выхолонныя дѣвушки.

При томъ даже казалось, что этотъ отдаленный костель и желанье такимъ необычайнымъ способомъ доказать свою любовь избранному имѣло для нея нѣкоторое поэтическое, романтическое обаяніе, ибо она очень обожала поэзію и, несмотря на свою неимовѣрную жизнерадостность, имѣла большую склонность къ мечтательству; она могла сидѣть далеко за полночь, зачитываясь какой-нибудь поэмой, по долгу заглядываясь на прекрасное заходящее солнце, на красивый лѣсной пейзажъ; она могла до того заглядѣться на пышно расцвѣтшій лугъ, что ее приходилось иногда будить словно ото сна, а когда ея возлюбленный садился за рояль и весьма пріятнымъ голосомъ начиналъ пѣть: „Стой, подожди, душа моя“ или: „Два голубя воду пили, а два ее мутили,“ она пряталась куда-нибудь въ уголокъ самой темной комнаты, и по ея свѣжему, словно заря, лицу тихо стали капать жемчужныя слезы.

Матери, родственникамъ, всѣмъ подругамъ, которыя предостерегали ее отъ ея неудачнаго выбора, она говорила:

— Отъ его матеріальнаго краха я его спасу своимъ приданымъ, а къ порядочной жизни онъ привыкнетъ, потому что онъ любить меня. А развѣ можетъ быть на свѣтѣ большее и высшее счастье, чѣмъ спасти,

осчастливить, облагородить и сдѣлать совершеннымъ человѣка любимаго?

И когда она говорила это, изъ глазъ ея словно сыпались золотыя искры, а щечки ея изъ жасминовыхъ лепестковъ превращались въ пунцовыя розы.

Ничего нельзя было подѣлать! Они обвинялись и послѣ нѣкотораго перерыва, во время котораго, казалось, осуществлялись мечты дѣвушки „казака“, въ сердцѣ, въ головѣ, въ образѣ жизни ея возлюбленнаго все пошло по старому. Онъ началъ попрежнему бездѣльничать, играть въ карты, шляться на охоту, кружить головы разнымъ женщинамъ и не женщинамъ и въ мигъ растратилъ ея приданое и послѣднія крохи своего собственнаго состоянія.

Облагораживаніе и усовершенствованіе возлюбленнаго человѣка не удалось ей, ну, а какъ же со счастьемъ? Конечно, и оно рухнуло, но объ этомъ можно было только догадываться, такъ какъ пани Тереза, несмотря на свою велерѣчивость и прямодушіе, о судьбѣ своей и обо всемъ, къ этому относившемся, молчала, какъ могила, какъ камень. Можно было усмотрѣть въ этомъ молчаніи горделивую жалобу, или же, несмотря на все съ нею случившееся, она продолжала любить его? По всей вѣроятности можно было допустить и то и другое, но быть можетъ скорѣе вто-

рое, чѣмъ первое. Быть можетъ, пани Тереза принадлежала къ тѣмъ глубокимъ натурамъ, въ которыя, если однажды западаетъ искра любви, то ни горькія слезы разочарованія залить ее не сумѣютъ, ни палящее желѣзо страданья изгнать не способно.

Всѣ видѣли только то, что, какъ прежде мужа, такъ затѣмъ она стала любить дѣтей, когда они стали появляться на свѣтъ, любить съ неимовѣрной заботливостью, съ энтузіазмомъ, любить безгранично. Иначе, повидимому, она любить не умѣла, и такая именно любовь должна была быть расцвѣтомъ всей ея натуры.

И любовь эта въ ея дальнѣйшей жизни привела къ весьма своеобразнымъ послѣдствіямъ.

Когда окончательно разорившись матеріально, она съ мужемъ и ея тремя дѣтьми поселилась въ крохотной усадьбѣ, составлявшей единственную собственность ихъ, пани Тереза сразу окинула взоромъ небольшія полосы пахатной земли, луга и лѣса, хозяйскія постройки, она заглянула въ счетоводныя книги арендатора, уступившаго имъ небольшой домикъ, и... принялась за работу.

Она поняла, что усадьба, заброшенная среди скучныхъ равнинъ полѣсья, представляла собой единственную машину, на которой можно

было соткать все благосостояніе тѣхъ, кого она любила; что этотъ домикъ съ соломенной крышей, пріютившійся между старыми грушами и липами, долженъ стать единственнымъ убѣжищемъ для дѣтей ея, и что всю эту сложную работу, которая предстоитъ ей въ будущемъ, должна сдѣлать она сама. У нея не было помощника, а о человѣкѣ, который могъ бы спасти ее изъ этого положенія, и подавно говорить нечего было. Итакъ, она сама принялась за работу жизнерадостно и энергично, и для нея началась тяжелая жизнь, наполненная мелочами и дразгами.

Въ виду того, что у мужа ея было довольно много болѣе или менѣе состоятельныхъ родственниковъ, то онъ ѣздилъ отъ одного двора къ другому, проводя гдѣ недѣли, а гдѣ и мѣсяцы. Его всюду встрѣчали охотно; онъ все еще правился женщинамъ, все еще красиво пѣлъ романсы, мѣтко стрѣлялъ на охотѣ, а затѣмъ о всѣхъ своихъ родственникахъ рассказывалъ самые смѣшные анекдоты. Домой онъ заѣзжалъ лишь изрѣдка, покачивалъ на своихъ рукахъ дѣтей, осыпалъ жену свою нѣжностями и ласками, а потомъ начиналъ зѣвать отъ скуки, по цѣлымъ днямъ пролеживалъ на диванѣ, сталъ жаловаться на свое несчастіе, и наконецъ наступало прямо адское настроеніе въ домѣ; онъ принимался

всѣхъ ругать и даже нерѣдко угрожалъ, что покончитъ съ собой; наконецъ, не будучи въ состояніи жить въ этой норѣ, въ этой дырѣ, въ этомъ чистилищѣ земномъ, онъ снова уѣзжалъ, чтобы по истеченіи многихъ недѣль или мѣсяцевъ снова вернуться домой опять на короткое время. И вотъ однажды случилось, что онъ уже больше не вернулся: онъ умеръ въ домѣ живущихъ очень далеко родственниковъ, сильно простудившись на охотѣ. Пани Тереза долго ходила съ лицомъ, опухшимъ отъ слезъ. Люди, видѣвшіе ее тогда, часто говорили другъ другу: „вотъ нашла кого оплакивать!“ Однако она плакала долго и много. Ужъ такова была натура ея.

Впрочемъ, какъ и раньше, она продолжала ходить по полямъ, наблюдала за рабочими, слѣдила за пахотьбой, молотьбой, посѣвомъ, сѣнокосомъ и жатвой, слѣдила за инвентаремъ, управлялась съ огородами при помощи дѣвокъ, нерѣдко собственноручно готовила обѣдъ, а въ долгія зимнія ночи шила одежду для себя и для дѣтей. При первыхъ проблескахъ дня во время мороза ли, дождя, снѣга, вьюги или во время райскихъ и свѣжихъ отъ росы предутреннихъ лѣтнихъ разсвѣтовъ, она первая выходила изъ дому, чтобы будить немногочисленную челядь и начинать вмѣстѣ съ ними трудовой день. Помимо того, она

часто ѣздила въ сосѣднія деревни и города, продавала все, что нужно было, покупала, заполняя разные пробѣлы въ хозяйствѣ, заботилась о массѣ мелочей, заботливо хлопотала, отчего нерѣдко на лбу у нея и выступали крупныя жемчужины пота.

Сверхъ того ужъ совершенно неизвѣстно какимъ образомъ или точнѣе какимъ чудомъ, она успѣла среди всѣхъ этихъ хлопотъ приготовить всѣхъ трехъ сыновей поочередно въ школу, воспитать довольно сносно дочку и смотрѣть за своими двумя еще совершенно крохотными дѣтьми.

Что же удивительнаго, что, проводя въ теченіе многихъ лѣтъ такой образъ жизни, „она потеряла форму.“ Это было выраженіе одного изъ сосѣдей, который, глядя на нее, когда она проходила комнату, тихо шепнулъ присутствовавшимъ:

—Пани Тереза совершенно потеряла форму.

И это было совершенно вѣрно. Когда она шла, то на нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея трудно было сказать навѣрное, идетъ ли это мужчина или женщина; а вблизи всякій, впервые увидавшій ее, съ большимъ трудомъ могъ бы рѣшить, къ какому общественному положенію и цивилизаціонному уровню эта женщина принадлежала.

Она вовсе не была слишкомъ тучной, но

все таки въ поясѣ, въ плечахъ и вообще казалась весьма полной. Происходило ли это отъ тучности, или же отъ гипетрофіи мускуловъ, которые постоянно закалялись то на жарѣ, то на холоду и въ физическомъ трудѣ. Это придавало ей какой - то неуклюжій тяжелый видъ, противорѣчившій однако съ ея бойкостью и энергіей движеній; отъ прежнихъ жасминовъ и розъ ея лица и слѣда ужъ не осталось. Лицо ее загорѣло, покрылось огрубѣвшей кожей и сохранило только красивое очертаніе рта и лба, а также и немовѣрно красивые глаза, которые теперь еще въ минуту подъема или раздумья способны были сыпать золотыми искрами или свѣтиться, словно звѣзды.

Но причина потери формы заключалась въ костюмѣ гораздо больше, чѣмъ въ огрубѣлости мускуловъ и лица. Прелестныя стройныя сосѣдки постоянно смѣялись надъ этимъ костюмомъ, который никогда не хотѣлъ знать ни моды, ни роскоши, а зналъ только дешевизну и вѣчный недостатокъ времени. Платье почему то всегда слишкомъ короткое, а что еще хуже—съ одной стороны длиннѣе, чѣмъ съ другой, какъ то коварно скроенныя кофты и сшитыя съ первобытной простотой, тяжелые башмаки со стукомъ, на головѣ платокъ вмѣсто шляпы—вотъ и все..., а воло-

сы... къ нимъ пани Тереза чувствовала какую то слабость; всегда блестящiе и заплетенные въ гладкiя косы, они свѣшивались у нея съ затылка въ видѣ огромнаго змѣя, который на солнцѣ имѣлъ цвѣтъ каштана.

Переработалась пани Тереза, перестала заботиться о самой себѣ и потеряла „форму,“ но, казалось, что все это ее не беспокоитъ и все это не мѣшало ей изрѣдка посѣщать сосѣдей и принимать участiе въ многочисленныхъ, иногда общественныхъ собранiяхъ. У нея была страсть къ общественной жизни. На людяхъ она была весела, разговорчива. Когда она высаживалась у дома сосѣдей изъ тарантаса, запряженнаго въ двѣ небольшiя лошадки, и входила своей замашистой походкой, стуча башмаками, въ платьѣ съ одной стороны покороче, а съ другой подлиннѣе, въ прекрасно и изящно обставленную многолюдную гостиную, съ широкой улыбкой на устахъ, обнажая рядъ бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ,—она здоровалась своей мощной и отвердѣвшей отъ работы рукой такъ сильно, что нѣкоторые даже взвизгивали отъ боли. Посадить ее куда-нибудь на диванъ или въ парадное кресло положительно было немыслимо. Она принималась вертѣться среди собравшихся, появлялась то тутъ, то тамъ, слышно было, какъ она цѣловалась съ сосѣдками,

смѣялась надъ мужчинами; она говорила о разныхъ вещахъ и вопросахъ голосомъ, привыкшимъ къ окрикиванію въ полѣ, въ огородѣ или въ сараѣ, стало быть, голосомъ высокимъ, по временамъ впадавшимъ въ такіе жесткіе тоны, что трудно было отличить, говоритъ ли это мужчина или женщина.

Но у себя дома, въ своей Лещинкѣ, гдѣ ни одинъ чуждый глазъ на нее не смотрѣлъ, у нея часто лицо принимало сумрачный видъ, а въ глазахъ отражалась грусть и тоска. Иногда въ знойную жатву, послѣ дня, проведеннаго на палящемъ солнцѣ, когда она возвращалась съ поля домой, ея походка теряла свою странную замашку и становилась медленной, измученной, а взоръ, обращенный къ небу, блуждалъ по тучамъ, раскрашеннымъ лѣтней зарею въ золото. Она отклонялась нѣсколько съ дороги, ведущей прямо къ дому, и уходила на придорожный лугъ и тамъ садилась среди цвѣтущаго клевера. Высокій клеверъ, обвѣшанный гроздьями бѣлаго жемчуга, и высокорослыя травы окружали ее со всѣхъ сторонъ и доходили почти до шеи, такъ что надъ этой пушистой и пестрой поверхностью виднѣлась только голова ея съ дикой огненной косой и съ загорѣвшимъ отъ зноя лицомъ. Легкій предвечерній вѣтеръ обвѣвалъ ея загорѣвшее лицо, а передъ глазами, полусомкнутыми отъ устало-